

Интервью с Григорием Эдуардовичем ГОВОРУХИНЫМ

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА УЖЕ В ЦЕЛОМ ОЧЕРЧЕНА...»

Говорухин Г. Э. — окончил исторический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1997 г.); доктор социологических наук (2011 г.); Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, профессор кафедры истории и юриспруденции, руководитель центра изучения общественного мнения и рынка. Основные области исследования: власть и властные отношения, социология управления, социальные взаимодействия в осваиваемом пространстве, социальные связи профессиональных групп.

Интервью состоялось: сентябрь — октябрь 2014 г.

Мне уже приходилось писать, что каждое из проведенных интервью для меня особое. Я помню самого первого моего респондента, первого среди тех, с кем до начала беседы не был лично знаком, первую из опрошенных женщин, первого не столичного (Москва и Петербург) социолога, помню, с кого начинал изучение представителей первых шести поколений советских/российских социологов.

Как я могу забыть это интервью? Оно — стало 80-м законченным интервью. Еще три-четыре года назад число «50» казалось мне мифическим, недостижимым, и поэтому какое-то странное чувство я испытывал, когда этот «порог» был достигнут, и как-то незаметно для себя я пошел дальше. 80-е интервью тоже не последнее, но мотивом к продолжению бесед является не стремление к увеличению массы биографического материала. Есть острое желание самому познакомиться с новыми коллегами и зримее представить, отразить многообразие нашего профессионального сообщества.

Мои беседы начались во второй половине 2004 года, но до конца 2010 года на моей «опросной карте» была представлена лишь Европейская часть России, причем доминировали Москва и Санкт-Петербург. В 2011 появилась Тюмень, и до лета 2014 года этот Западно-Сибирский город оставался самой восточной точкой осваиваемого социологического пространства. В июне того года появился Хабаровск, и к концу осени я добрался до Комсомольска-на-Амуре. Восточнее на континенте нет крупных социологических центров. Может быть, лишь на Сахалине.

Григорий Эдуардович Говорухин (1973 г. рождения) — коренной дальневосточник. Его дед по материнской линии приехал в эти места в 1936 году, когда Комсомольску-на-Амуре было четыре года, и неформально он назывался «Копай-городом». Родители отца — тоже дальневосточники, родились недалеко от Благовещенска. В кратком рассказе Говорухина о родительской семье отражены события, известные многим лишь по книгам: русско-японская война и канонерка «Кореец», партизанские движения в Спасске и бои на Волочаевской сопке. Увлечение прошлым города, семьи определило его интерес к истории и позже подвело к социологии.

В родных для Григория местах произошло и его профессиональное становление: исторический факультет университета в Комсомольске, аспирантура в Хабаровске, докторская диссертация по социологии (2011 г.), посвященная анализу процессов освоения пространства Дальнего Востока.

До самого последнего момента наше интервью развивалось подобно многим другим, в спокойном академическом духе. Мне хотелось, основываясь на материалах трех интервью: с профессором Говорухиным и двумя хабаровскими профессорами социологии Леонидом Бляхером и Илдусом Ярулиным, оценить, каковы перспективы развития социологии на Дальнем Востоке. Ведь в доперестроечные времена на социологической карте страны не было этого региона. Но Григорий Говорухин определил меня. Отвечая на мой очередной вопрос, он сказал: «Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена». Цель беседы оказалась достигнутой.

Говорухин Г. Э.: «Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока уже в целом очерчена...»

Григорий, Ваша биографическая справка, приведенная в книге «Социологи России», указывает, что вся Ваша жизнь связана с Комсомольском-на-Амуре. Можно сказать аналогичное и о Ваших родителях, дедушка и бабушка, когда Ваши предки появились, в тех краях?

Родители моей мамы были первостроителями города Комсомольска-на-Амуре. Город был заложен в 1932 году, дед по материнской линии, из того что я помню, приехал в город, который тогда имел неформальное название «Копайгород», в 1936 году. В общем, так скажем, он не из самых первых первостроителей, приехал он с Украины, долго жил до того времени в Киеве, после службы в Красной Армии, судя по всему, по комсомольскому призыву приезжает на Дальний Восток.

Бабушка оказалась в городе в 1934–35 году и уже здесь познакомилась с моим дедом. Затем в 1939 году уехала к родителям в Казань, чтобы родить мою маму и снова, уже с моей мамой, приехала в Комсомольск, кажется в 1940 году, после чего она уже никуда из города надолго не уезжала. Вообще семья бабушки активно дрейфовала на протяжении почти 50 лет, пока ее родителей, брата, сестру и их детей не разбросало по всей тогда еще царской России и СССР. Семья бабушки была с Белостока – это тот, что в Польше, переехали они первоначально в Пензу еще в начале века, когда конкретно сказать сейчас очень сложно, во всяком случае, к 1913 году они уже там были и войну встретили уже далеко от линии фронта. Где все свое детство бабушка провела, я точно не знаю, но помню ее рассказы о том, что она в подвале пережидала черносотенные погромы и, будучи, еврейкой польского происхождения скрывалась от погромщиков.

Полагаю, что для моего деда приезд в город был частью начинающейся партийной карьеры, и она у него активно пошла в гору именно в Комсомольске, для бабушки приезд был романтикой, неким интересным приключением, о котором она читала в книжках. При этом показательно, что когда уже в конце 50-х годов моя мама со всем классом в романтическом порыве попыталась уехать на целину, родители ее непустили и, между прочим, ни одного из учеников из класса их родители также на целину не пустили.

Родители отца были дальневосточниками, в том смысле, что родились на Дальнем Востоке недалеко от города Благовещенска. Со стороны бабушки ее родители были ссыльно-поселенцы и по преданию в 90-е годы XIX века были направлены подальше от центральных губерний. Вообще семья бабушки была достаточно активной. Принимала участие и в русско-японской войне. Один из родственников служил на канонерской лодке «Кореец» (та что была потоплена вместе с «Варягом»), попал в плен к японцам, за что и был расстрелян уже в 1937 году. По бабушкиной линии был и участник в битве на Шипке, получил крест от генерала Скобелева (потом этот крест долгое время передавался из поколения в поколение, но до меня уже не дошел). В общем, семья была боевая и видимо революционно настроенная. Со стороны дедушки по линии отца предки выехали на Дальний Восток добровольно. Ехали с Украины и ехали за земельными наде-

лами. Собственно первый Говорухин на дальнем востоке был мой прапрадед, который плохо звучащую украинскую фамилию Говорухо, будучи волостным писарем, без проблем сменил на русско-произносимую Говорухин.

Родители отца были постарше родителей мамы и активно приняли участие в революционных событиях. Во всяком случае, дед был участником партизанских движений, воевал в Спасске, на Волочаевской сопке, был ранен. Впоследствии стал председателем колхоза, был арестован по политической статье в 1937 году потом попал под «бериевскую» амнистию и умер в 1945 году пару месяцев не дожив до окончания войны.

Отец переехал в Комсомольск-на-Амуре к своей старшей сестре, которая перебралась сюда вскоре после войны.

Ясно, здесь Ваши корни. Не уникальный случай, но очень нечастый. Чем занимались Ваши родители, надеюсь, они живы. Историю семьи Вы от них узнавали?

Случай, учитывая специфику Дальнего Востока, все-таки скорее уникальный. В этом видится вообще специфика дальневосточного региона. Несколько лет назад, в рамках наших с Леонидом Ефимовичем Бляхером исследований, где-то совместных, где-то индивидуальных, мы попытались обосновать идею того, что Дальний Восток — это территория «проточной культуры» или «проточного пространства». На протяжении многих десятков лет в составе России/СССР эта территория пополняется населением за счет миграционных волн. Работает своеобразный принцип переселения народов, когда одна волна пришла, другая схлынула. С учетом общей статистики остаться там, где корни на Дальнем Востоке, если не редкость, то уж точно не типично.

Да, теперь о родителях. Родители — это такие типичные представители технической интеллигенции из поколения шестидесятников, когда и получили высшее образование. К огромному моему несчастью они уже давно умерли. У обоих был рак...

И, мама, и отец были инженерами. Я бы сказал, инженерами-гуманитариями. Собственно интеллектуальный бэкграунд я получил именно из семьи и, конечно же, главным образом от родителей. Мама — инженер строитель, продвигавшаяся по партийной, если уж быть точным, по профсоюзной линии, а папа — начальник одного из бюро авиастроительного завода.

Об истории семьи отчасти конечно я знаю от родителей, но в семье сохранился огромный архив писем, из которого формируется классный кейс. Думаю, со временем сделать такой контент анализ переписки. Архив содержит материалы от начала 20 века и времен первой мировой войны до 70-х годов прошлого века.

Спасибо, Григорий, за очень искренний рассказ о семье... замечу, недавно тюменский социолог, профессор Юлия Беспалова издала очень интересную книгу о своей родительской семье на базе дневников и писем... не дайте пропасть архиву Вашей семьи.

Из рассказанного Вами можно допустить, что родители мягко вели, подталкивали Вас в «гуманитарную» сторону. Что Вас интересовало в школе? Особенно в старших классах?

Вам спасибо за присланную книгу, обязательно прочту и воспользуюсь Вашим предложением по поводу архива. История повседневности, как в историческом, так и в социологическом дискурсе, интересный продукт современной действительности. Вдобавок меня лично в последнее время начинает тянуть в сторону какого-то подведения предварительных итогов собственной жизни, и как следствие анализа семейных вех...

По поводу предварительных итогов, с большим интересом недавно прочитал Ваше интервью с А.Н. Алексеевым. В связи с чем стал пересматривать отношение к институциональным и не институциональным жизненным перспективам.

Да, извините, перехожу к Вашему вопросу. В отношении родительского «мягко вели» я думаю, что здесь сложно говорить о том, что они именно вели, пусть даже мягко. В полной мере речь идет о хабитусе, в терминологии классика. Была создана некая модель поведения, отказаться от которой мне было просто невозможно. Хотя, если именно это и означает мягко вести, то абсолютно с Вами согласен.

Разговоры с отцом, обсуждение книг и фильмов, ежегодные туристические поездки с родителями (главным образом с мамой), по городам, имеющим историю, а в детстве лет так до 12–13, мне казалось, что это любой город старше Комсомольска и имеющий дореволюционное прошлое, в конечном итоге сформировали у меня манию к собирательству всего, сколько-нибудь старого. Газеты, открытки, марки, в общем, все, что было или казалось продуктом той, еще не моей, эпохи. Моей, и тут можно в полной мере говорить, страстью стало какое-то накопительство. Позже, в старших классах это вылилось в коллекционирование российских монет. Нумизматика стала одним из главных интересов в жизни вплоть лет до 20. Да, а параллельно с ней (нумизматикой) начинается другая страсть или мания, тут как угодно, увлечения греческой мифологией. Сначала на уровне чтения и перечитывания Гомера, Вергилия, Аполлодора и греческих трагиков, а потом в формате околонучных исследований и аналитики нюансов мифологической эпистемы. В том или ином виде болезнь греческой мифологией переросла в любовь к истории античности и истории вообще.

Опять же подводя итоги, думаю, что могу с полной уверенностью сказать, что в процессе научной социализации я дрейфовал от культурологии, как области гуманитарного знания вообще в рамках семейного образования, до истории и получения высшего исторического образования, а затем к философии и защите кандидатской по специальности «социальная философия» до социологии.

Забавно, питерский социолог Владимир Ильин рассказывал мне о том, что историком его сделала старинная монета, которую он нашел в детстве... а чуть попозже я пришлю Вам интервью тоже с питерским социологом, корни рода которого находятся в любимых Вами эллинских временах.

А, Вы знаете, мой интерес к нумизматике и истории, в общем, то начался тоже с одной единственной монеты, до сих пор помню, это николаевский пятак 1837 года.

Судя по всему, это такой социальный фрейм рекрутирования в историческую науку.

После всего Вами сказанного естественно предположить, что Вы достаточно рано решили стать историком и с этой мыслью прошли через всю школу. Так это было?

В общем да, Борис Зусманович, в старших классах я уже точно для себя окончательно решил, что стану историком. Это было время переоценки ценностей, приоткрытие фактов советской эпохи, постоянного бурления идеологических мнений. Одним словом, мне казалось, что именно историк мог бы заглянуть в какие-то ямы и вытащить оттуда правду жизни. Вернее так: я эту правду знал, но чтобы не спорить до хрипоты со всеми, в том числе и с собственным отцом, мне нужны были железные факты, которые я мог бы предъявить как весомый аргумент собственной непогрешимости.

За увлечением античностью в 10–11 классах появился интерес к истории дореволюционной России довоенного периода и времен репрессий советского времени, начиная с 1929 года. Затем я занялся изучением вторичных источников первой мировой войны. В общем и целом я укрепился в решимости пойти на истфак. Это был 1991 год. Я думал, что как историк я уже состоялся, осталось только институализировать свое, личное «думал» в общее, коллективное «знаю». Набор тогда на специальность был, что-то около 9–10 человек на место, а к экзаменам я готовился скверно и, конечно же, провалился. Это было мое первое крупное разочарование, от которого я вынес главную истину: «Не люблю проигрывать».

Когда Вы серьезно погружались в историю, у вас был какой-либо круг общения? Исторический кружок, общество, клуб? Вы стремились работать в архиве?

Извините за отступление, Борис Зусманович, множество раз брал интервью у других, брали интервью у меня, но только сейчас прочувствовал, что такое «сериальность» в Лумановской интерпретации новостных сюжетов. Ожидание вопросов и написание ответов уже само по себе приобретает форму самостоятельности нарратива. В общем, в ходе интервью испытываешь интересные ощущения.

Да, перехожу к вопросам. До тех пор пока я не поступил на истфак, определенного круга тематического общения у меня так и не сложилось (разве что постоянные дебаты с отцом). Причин этому несколько. Исторический факультет в Комсомольске появился в 1989 году, т.е. тогда, когда я начинал по-настоящему увлекаться историей. Только через два года после открытия факультета в город стали приезжать преподаватели, принадлежащие к определенным научным школам. В частности, Томской школе. Только в начале 90-х годов ими начинала привноситься в город цеховая сплоченность вокруг истории. И только тогда стал формироваться более или менее исторический узус, в рамках которого стали появляться кружки, да, что там просто общение.

Кроме того, любое профессиональное общение затруднялось отдаленностью города от научных центров.

При этом сказать, что я был уж совсем герметичен в своем интересе, нельзя. Я пытался списываться с авторами отдельных журнальных статей, но безрезультатно. Зато пока писал письма, честно готовился к полемике. Сам себе представлял визави, представлял себе его возражения мне. В общем, вот такая была отчасти шизофреническая игра.

Кроме того, я состоял в клубе нумизматов и там активно общался с профессиональными любителями, среди которых были, с моей точки зрения, очень приличные знатоки. Вообще гуманитарная составляющая до начала 90-х годов в Комсомольске-на-Амуре была очень условной. Комсомольск – это город промышленный, нацеленный на формирование технической интеллигенции,

для которых гуманитарии были ни больше не меньше — способом расширения горизонтов, но не коллегами-учеными. Кстати и сегодня в городе не удается преодолеть стереотип прикладного характера гуманитарного знания.

«Не люблю проигрывать» — это некий личностно-этический вывод, а что в предметно-организационном плане? Вы сохранили преданность истории и решили делать вторую попытку поступления на истфак или были сомнения в верности избранного пути?

Я повторил попытку на следующий год и уже тогда поступил. На самом деле я сомневался, нужно это или нет. По большому счету я не хотел быть историком. Меня тянуло к древностям (видимо, это отголоски любви к античности, но уж какая там античность на Дальнем Востоке), а как мне тогда казалось, удовлетворить эту тягу я мог только в археологии. Специальность «археология» была только где-то в Сибири, уже даже не помню где. А к моменту моего поступления стало понятно, что папа болен, сестра была далеко, оставлять родителей я не захотел. Ну и стал пробовать поступать на истфак повторно. Хотя Вы знаете, то, что написал, звучит уж больно эсхатологично. Конечно, меня закусало. Как же так могло быть, что бы сам я и не поступил. Поэтому в другой раз уже готовился к экзаменам как нужно. Конкурс, как помню, был человек 9—10 на место, тем сильнее у меня был задор.

Верные рассуждения, я бы даже сказал, по-американски протестантские. Семья — одна из базовых ценностей.

Итак, цель достигнута, Вы — студент истфака. Какую Вы там застали атмосферу? Какие временные, пространственные, предметные области науки Вас привлекали в первую очередь?

В момент моего поступления истфак, как упоминал выше, был в состоянии становления. Это состояние угадывалось в постоянной смене прописки деканата и кафедр, чехардой с расписанием, но в целом уже угадывалось нечто, что могло бы быть названо духом истфака. Такое, знаете, состояние интеллектуальной элитарности. Даже, наверное, снобизма. Высокий балл на конкурсе, большой отсев студентов (до 30% после первой сессии) позволял нам всем думать, что мы-то, как раз и есть интеллектуальная элита страны. К слову сказать, из более 50 поступивших до финала дошло что-то около 20, двое из которых стали докторами наук и один кандидатом.

Что касается учебы в целом, то, несмотря на то, что во время первых курсов практически пришлось переехать ночевать в библиотеку, мне было легко. Видимо дело в том, что я выбрал, что называется, свою дорогу. Дисциплинарно особый интерес был к истории античного мира и «отечке» (отечественной истории). Причем, здесь важны уже были даже не сами предметы, а семинары к ним. Вот именно там, в общей полемике, я получал удовольствие.

Наверное, такое отношение к учебе стало возможным еще и потому, что большинство преподавателей были старше нас лет на пять-семь и защищали свои диссертации уже на моей памяти. Пишу и вспоминаю, что это было время взаимного «запоя» агностикой. Мы спорили по любому вопросу, собственно интерес к спору и становился главной темой учения. Затем это увлечение заставило всех активно искать аргументы к спору, а значит самостоятельно искать информацию.

Спасибо, дух, атмосферу обучения Вы передали, чувствуется... какую тему Вы выбрали для дипломного проекта?

Название темы я сейчас уже не воспроизведу, но направление работы помню. Я занимался историей церкви, начиная с периода ее институализации никейских времен. Основной интерес заключался в определении взаимодействия институтов православной и католической церквей и института государства. Тема в те времена вполне популярная, но я занимался ею, потому что мне на самом деле было интересно.

Итак, обучение завершено. Что дальше?

А дальше встал вопрос работы. Так получилось, что на меня вышла заведующая кафедрой философии и социологии технического института Золотарева Лилия Николаевна и пригласила работать на кафедре ассистентом. Все предельно просто. Это был 1997 год. Зарплата была, прямо скажем, смешная и одним из способов не умереть с голоду самому и семье, а я уже был к этому моменту женат и у меня был сын, становится выбор академической карьеры. Выбор в том плане, что я решил, если уж работать в вузе, то нужно расти. И вопрос вставал даже не относительно науки, это и не обсуждалось, поскольку было для меня очевидным фактом, вопрос был именно о карьерном росте как таковом.

1998 год был для меня годом тяжелым. У меня умирает мама, вместе с тем я окончательно решил, несмотря на совершенно реальный голод, остаться в вузе. До этого были серьезные сомнения. В этом году меня проводят по кафедре ассистентом на 5 лет.

В 1999 году умирает сначала дед (чуть больше чем через полгода после смерти мамы), а потом и мой кот. Как бы странно это ни звучало, для меня это было равно порядковым кошмаром. Череда смертей моих близких привели меня к будущей теме исследования, чисто философского характера: «Социальное время в экзистенциальных пограничных ситуациях (проблема конструирования безвременья)». В сентябре 2000 года я поступил в аспирантуру к Леониду Ефимовичу Бляхеру с практически готовой идеей будущей диссертации, а в апреле 2002 года защитился.

Вообще нужно сказать, что Леонид Ефимович для меня становится реальным примером современного ученого, открытого для частного интеллектуального общения. Знаете, я только в общении с ним понял, что такое творческий порыв. Как-то вот сумел он мне это дать. При этом для меня важен был еще и чисто человеческий опыт общения с ним. Я приезжал к нему в Хабаровск, понятно денег особенно не было, а командировочные — что-то около 70 рублей — старался сохранить, чтобы привезти домой. И вот в таком прямо скажем, полуголодном состоянии приходил на консультацию к Леониду Ефимовичу, и во время наших обсуждений он ухитрялся мне подкладывать деньги в карман. Этот кейс был для меня почище всяких банальных нравоучений о бескорыстном служении науке.

Дальше, в финансовом плане пошло все много проще. При поступлении в аспирантуру я стал старшим преподавателем, а после защиты кандидатской мне дали внутреннего доцента. В общем, все обычно.

Вопрос исследований становится также менее сложным. У меня начался дрейф в сторону практической социологии. Вместе с коллегами я начинаю «раскручивать» социологию и социологические исследования в Комсомольске. А параллельно – выезжать на конференции, участвовать в исследовательских проектах. В 2006 году я перешел работать деканом в педагогический университет на свой родной факультет. В 2009 году, не без церемоний с ВАКом, защитился уже по социологии. В 2012 году благополучно ушел из деканов и теперь работаю профессором на кафедре родного вуза и одновременно в коммерческой фирме директором по персоналу и коммуникациям (пытаюсь применить свои теоретические знания властных взаимодействий из докторской диссертации).

За это время я успел развестись и снова жениться. Жена у меня кандидат филологических наук. В таком творческом порыве мы за 10 лет совместной жизни только в этом году написали совместную статью. Так, что вопрос науки для меня теперь становится уже где-то даже делом семейным.

Спасибо, Вы дали пространство для ряда новых вопросов. Прежде всего, о чем было Ваше кандидатское исследование?

Идея была такой. Все социальные институты встраивают человека в пространство социальных же взаимодействий. Поскольку жизненный цикл и самого общества и социальных институтов существенно больше жизненного цикла человека, в определенных ситуациях возникает перекося социальных паттернов человека и его личностных установок. Общество ориентирует человека на условную вечность: «тебе это нужно потому, что будет завтра». Практически это выглядит следующим образом: человек всеми социальными конвенциями ориентирован на то, что у него есть будущее, ради которого необходимо что-то предпринимать. Учиться потому что завтра это пригодится в работе, рожать детей потому, что завтра можно гордиться тем, что они вот такие и так далее. Эта формула работает до того момента, пока человеку не объявляют о том, что у него будущего нет потому что он, например, умирает. Физически он еще дееспособен, а вот социально оказывается в состоянии безвременья. Все привычные социальные установки перестают действовать, и встает вопрос о формировании в конце жизни новых установок. Описание входа и выхода в «безвременье» меня и интересовало в работе. Это в двух словах о кандидатской.

Вы указали на свои контакты с Л. Е. Бляхером. А с какими либо московскими, петербургскими, сибирскими социологами Вам приходилось контактировать, участвовать в общих проектах?

Да, конечно. Удаленность пространства, безусловно, ограничивает общение, но не останавливает его абсолютно. Прямо и косвенно осуществлялось и осуществляется общение с коллегами за пределами Дальневосточного региона. Например, были совместные проекты с В. В. Радаевым. Поскольку моя докторская была связана с изучением власти и властных отношений, моим оппонентом стал В. Г. Ледяев, в рамках докторской диссертации также активно взаимодействовал с А. И. Ковалевой (за что ей огромное спасибо), В. Луковым и Вл. Луковым, были совместные проекты с К. Титаевым. Контактывал, как

Вы говорите, с А. Олейником, Э. Панеях, А. Ф. Филипповым, В. И. Дятловым. В общем да, с кем-то знаком лично и по работе, с кем-то — в рамках работы заочно.

К вопросу (вопросам) о докторской диссертации мы перейдем ниже, а сейчас к тому, что впрямую навеяно Вашими словами: «Удаленность пространства, безусловно, ограничивает общение...». Поступает ли в Ваши края (библиотеки, магазины) современная российская, зарубежная социологическая литература или удастся приобрести ее лишь будучи в командировках, участвуя в различных конференциях...?

Совершенно определенно с литературой очень трудная ситуация. Наиболее существенным источником информации является интернет. Печатные тексты, а я сейчас говорю даже не о книгах, но и о журналах также, практически не доходят. Канал доставки литературы, правда, несколько шире, чем только личное приобретение, но очень ограничен.

Григорий, пожалуйста, разверните ваш ответ... совсем не понимаю, как можно без новой литературы?... в Интернете книг, заведомо, мало... покупаете ли вы книги по Интернету, есть ли у вас сетевой доступ в какие-либо онлайн-библиотеки... Есть ли межбиблиотечная сеть?

Да, Вы правы, схожие формы заказа книг есть и у меня, видимо я, не правильно понял вопрос. Конечно, я заказываю книги, конечно, по-прежнему есть межбиблиотечный абонемент (МБА), опять же есть возможность в инете поискать электронный вариант книги. Но, и мы с Вами столкнулись уже с этим, на примере книги «Социологи России». Ограниченный тираж, либо сугубо дефицитная книга чаще всего, в случае, заказа по МБА будет идти очень долго, либо вовсе не придет. Старые книги могут быть вообще не перенесены на электронный носитель, и тогда остается надежда купить их, если будут и если повезет, только на электронных аукционах типа «Молоток» и ему подобные.

Конечно, как я объясняю своим студентам, кто хочет — тот сможет. Найти при желании можно все и в наших краях. Очень остро только встает вопрос оперативности получения информации.

Теперь, пожалуйста, расскажите о работе над докторской диссертацией: В чем проблема? Кем разрабатывалась ли эта тематика раньше? Что Вам удалось показать?

Да, работа, в силу своей привязанности к социологии чисто региональная. Хотя, уверен, что фреймы с рассматриваемой проблемы можно снимать везде. Работа посвящена осваиваемому пространству, полагаю, в американском формате она в большей степени подходила бы под антропологическое исследование. По крайней мере, пару лет назад с одной из моих коллег, которая только вернулась из Кембриджа, Натальей Рыжовой, мы спорили по поводу институциональной прописки отдельных исследований, и я пришел к выводу, что антропологический сюжет темы вполне себе очевиден.

Осваиваемое пространство, о котором я говорю, это, конечно, пространство Дальнего Востока. Освоение пространства идет, как смею надеяться, мне и удалось показать, по определенному принципу маркировки территории. Сначала формируется ядро поселения (например, типичный советский город таким

ядром назначает промышленное предприятие — одно или несколько), затем, как эффект кругов на воде, от ядра начинают распространяться социальные объекты, обслуживающие его предприятия жилые районы, в общем все, что становится впоследствии частью единого города, округа, региона и пр.

Показательно, что разрушение инструментальных основ поселения приводит к сокращению маркировок в пространстве и сужению самой обжитой территории, в связи с чем возникают социальные пространственные лакуны. Это те территории, которые в сознании населения, респондентов, фигурируют как «а что, у нас есть еще и такой район?» Такие лакуны расширяются по мере сокращения контроля над территорией. В этой связи мне было интересно оценить роль власти и властных взаимодействий как по существу чуть ли не единственного индикатора контроля распадающегося социального пространства.

Вообще Дальний Восток, как впрочем, и ряд схожих фронтальных территорий, обладает специфическими особенностями, укладывающимися в понятие «проточного пространства». В таком пространстве вход миграционных потоков определяется неким социальным или политическим заказом общества и государства, а вот выход является естественным процессом окончания социального заказа и уже по существу стихийен. В случае, когда таких заказов нет, регион начинает медленно, но верно терять население. Это и становится причиной появления социальных пространственных лакун.

Вопросами освоения территории напрямую и опосредованно занимались, как известно многие исследователи, в том числе конечно, и классики. Думаю, с полной уверенностью могу сказать, что интеллектуальными генераторами идеи для меня стали Л. Е. Бляхер, А. Ф. Филиппов, В. Л. Цымбурский. Идея «схлопывания» пространства Игоря Дмитриевича Саначева, который шел параллельным курсом в исследованиях (скорее философских, чем социологических) утвердила меня во мнении, что, в общем-то, принципы сокращения социального пространства есть продукт не только и не столько региональный, сколько онтологический. Это в некоторой степени развернуло работу в сторону методологии и поиска методов обнаружения признаков лакун, а также методов исследования маркировки пространства.

А Вам не кажется, что сейчас просто существует «мода» определенного типа исследования (я не понимаю часто, какого) называть антропологическими, тогда как проще и естественнее «подвигать» границы, содержание самой социологии? Ведь она не дана нам как нечто сформировавшееся раз и навсегда? На чем основано решение об антропологичности Вашей трактовки освоения пространства Дальнего Востока?

Мне кажется, Вы попали вопросом прямо в десятку. Диссертация, как любое институциональное исследование, зажато в железобетонные границы шифра. Думаю, все кто занимается наукой в рамках статусных границ написания диссертации, отчета по проекту и пр. прочувствовал на себе железные тиски конвенции жестких парадигм. В строгом смысле слова социология может быть вот такой антропологичной, историчной и философичной, и в рамках своих личных исследовательских границ я могу раздвигать горизонты социологии на любые расстояния. Более того, эти расстояния будут всегда вполне приемлемыми в условиях научного сообщества как такового, где работает принцип интересно/

неинтересно. Вот в рамках научной прописки, адресации исследования приходится придерживаться принципа условно приемлемых границ социологии. В этом случае, если бы Макс Вебер сегодня попытался бы защититься по социологии, в нашей стране к нему было бы много вопросов по дисциплинарной принадлежности, в особенности в отдельных региональных советах.

Вообще мне в этом смысле несказанно повезло. Советы, в которых я защищал работу, не страдали узко конфессиональной ограниченностью. С докторской диссертацией встал вопрос о том, к какому направлению она была бы ближе. Даже при наличии эмпирических данных поля мне все-таки казалось, что работа ближе к социальной философии (отсюда условно ее антропологический характер). Приехал в диссертационный совет по философии во Владивосток. Прошел представление на кафедре мне были назначены эксперты. И вот тут началось странное... Эксперты стали болеть, председатель совета куда-то уехал. Отказа по работе не было, но и постановления на защиту не последовало. В общем, неопределённость продлилась что-то около года. Потом я, понимая, что нужно любое дело доводить до конца, поехал в Хабаровск в социологический совет к Ярулину Илдусу Файзрахмановичу.

Вот тут, если позволите, схожу в рефлексию. Региональное научное сообщество, не знаю насколько можно всерьез говорить о региональности научного сообщества, как и самой науки, имеет свою заданность. На Дальнем Востоке есть большое количество, с моей точки зрения, прекрасных социологов. Причем социологов сподвижников, если социология как наука получила легитимную прописку в России только с конца 80-х начала 90-х годов с момента открытия первых советов и появления первых фондов, то на Дальний Восток она пришла в это время лишь номинально.

Раскручиванием интереса к социологии в регионе начали заниматься лишь в конце 90-х-начале 2000-х годов. И. Ф. Ярулин, Л. Е. Бляхер, Н. М. Байков, И. Д. Саначев, Е. Ли это те люди, которые стали, каждый на своем уровне, готовить общество и власть к тому, что есть возможность получить достоверные данные об обществе. При этом каждый из этих людей – это определенное направление в социологии, зачастую слабо пересекающееся (направление) конвенционально. В этом смысле каждый из них выступая локомотивом направления, возглавляет узкий круг единомышленников, что, в общем, нормально и логично, но, к сожалению, этот круг еще не в полной мере может быть назван научной школой. В нем нет того что можно было бы назвать научным гумусом. В этом смысле эти разные люди с разными научными целевыми установками вынуждены организовываться на едином поле конференции, диссертационного совета, Совета при губернаторе и т.д. Получается эклектика.

Все, выхожу из рефлексии. Вот в такой совет я и пришел. И именно в таком совете я защищался. Когда через год я проходил защиту в диссертационном совете МОСГУ у А. И. Ковалевой, где на тот момент, как бы вычурно это ни звучало, еще чувствовалось присутствие А. А. Зиновьева, у меня возникло ощущение, знаете, некоего научного и интеллектуального единства членов совета (там от В. А. Лукова я и услышал идею о широте социологии). Я потом встречался и работал с коллегами, с которыми тогда познакомился, и укрепился во мнении, что, несмотря на всю разность этих людей, их всех объединяет общее понимание

того, какой должна быть социология. Благодаря разности подходов к пониманию социологии членов совета, которых удалось собрать И. Ф. Ярулину, сам совет оказался ориентирован на научность, а не на жесткую парадигмальность.

Само собой разность в понимании возможностей социологии во всем пространстве Дальнего Востока усиливает рефлексию на жесткость границ социологии.

Хотя, я абсолютно с Вами согласен, что можно и нужно раздвигать границы наук. Неслучайно открытия в науки делаются маргиналами, т. е. людьми, находящимися за пределами заданных форм. В этом смысле меня мало беспокоила условная антропологичность моей работы. Я лишь констатировал факт прописки исследования. Работа построена на массиве исторических фактов, поскольку тема работы «Символизация осваиваемого пространства», в ней значительная доля философской рефлексии. Взвесить «проточность» пространства иным способом не получалось.

Не могу удержаться от слов благодарности, похоже, благодаря «рефлексивности», Вы сделали чудесную заявку на очерк о становлении социологии на Дальнем Востоке. Это надо делать сейчас, пока все живы и активны... если у Вас нет времени или душа не лежит, нагрузите этой темой нового аспиранта...

Спасибо за поддержку. Нужно подумать, как это развернуть. Возможно, это можно будет сделать даже в виде такого элективного курса как история науки... ну, это я продолжаю рефлексировать. Спасибо, действительно подумаю.

Вы рассматривали лишь советский и постсоветский периоды освоения Дальнего Востока или с начала его освоения российскими казаками?

Я начал рассматривать пространство Дальнего Востока с периода XIX века, его официальной регистрации как Российской территории. В строгом смысле слова это период царской России, куда входили так называемые сплавы с последующей организацией полувоенных поселений – это часть, основанная на истории. Конечно, я цеплял советскую и постсоветскую историю, где в качестве данных использовался материал социологического поля.

Не предпринимали попытку сопоставления механизмов освоения Дальнего Востока и, скажем, Запада США: Калифорнии, Техаса?

Вы знаете, для ряда конференций я готовил материал, о символической идентичности механизмов освоения Комсомольска-на-Амуре и Лас Вегаса. Это были тематические конференции, и там это было интересно, но не более того. Сказать, что я предпринимал серьезную работу по этому поводу, я не могу, хотя вынашиваю в планах проделать серьезный анализ освоений территорий, но тут мне было бы интереснее зацепить Китай, Австралию.

Вот фрагмент из моего интервью с социологом и демографом Владимиром Мукомелем: «А при выборе темы диплома я взбрыкнул и сменил как географию, так и акценты: дипломная работа была посвящена экономико-демографическому развитию Австралии. Самым парадоксальным образом именно эта тема помогла мне осознать значимость миграции не только для экономического и демографического, но и социального развития территорий...». И было это в начале 70-х.

Да, интересно. К вопросу о том, что могло бы повлиять или подтолкнуть к теме... Как ни странно общие повороты моей темы были концептуально сформулированы в игровой реальности. У моего старшего сына были стратегические компьютерные игрушки, в которые мы резались и вместе, и по отдельности... Несмотря на общую заданность алгоритмов развития предлагаемых сценариев, эти игры стали для меня симуляторами реальности. Я от многих своих коллег и тех, что младше меня, и тех, что старше слышал, что компьютерные игры могут выступать катализаторами идеи. Так что, наверное, это и не странно вовсе. Такое яблоко Ньютона масмедийного пространства. В целом, полагаю, непринципиально, при каких обстоятельствах пришла идея. Современные технологии позволяют создать матричные модели социальных процессов, а уж на что они выводят исследователя, является личным творческим процессом ученого.

В каком году Вы защитили докторскую и по каким направлениям работаете с тех пор?

В 2009 году. Сегодня отчасти ухожу от темы, а скорее всего не ухожу, а копаю вглубь объектов, рассматриваемых ранее только вскользь. Мне интересна повседневность в социальной, политической рефлексии. Вот именно в такой последовательности. Политика и социум рефлексировать на повседневные процессы, что вызывает особенно отчетливое противоречие между государственным и социальным. Отсюда оценка символики интеракций, отсюда – рассмотрение процессов, которые в некоторых случаях могут обозначаться как социальная метафизика.

После защиты стал больше заниматься исследовательскими проектами, стала интересна методология. Вообще, как будто стало больше времени для того, что интересно, может это потому, что ушел из деканов.

Насколько активно Вы работаете в сфере прикладных социологических исследований?

Последние два года особенно активно. И тут несколько причин: во-первых подготовлено само исследовательское поле. За это время обучились более или менее профессиональные прикладники, которые могут осуществлять методологически простейшие операции в рамках социологического поля. Но этого мало. Сформировался интерес общественности к социологическим данным. Кстати, в этом году в городе был первый набор бакалавров-социологов, удалось открыть (с большими трудностями, вообще сейчас это делается все труднее), магистратуру по социологии.

Сам процесс подготовки социологического поля занял около 10 лет. Сейчас нельзя говорить о том, что социология как прикладная наука «на ура» принимается населением, но это уже явно радикальный сдвиг от экзотической науки в сторону ее прагматической целесообразности. Как результат, сегодня отдельные городские СМИ с удовольствием пользуются перепечатками отчетов по проводимым омнибусам, используют данные, полученные нами в ходе разных замеров. В общем, процесс популяризации прикладной социологии привел к тому, что заказчиков прикладных исследований становится с каждым годом все больше. Во-вторых, я это говорю без ура патриотизма, просто личное наблюдение в отношении количества поддержанных прикладных проектов, усилился интерес

государства к самому Дальнему Востоку, как следствие — больше поддержки собственным проектам и увеличение числа западных проектов, ориентированных на дальневосточный регион и Комсомольск-на-Амуре.

В этой связи найти деньги на проведение исследований становится значительно легче, чем когда бы то ни было, ну, и работы становится больше, тьфу, тьфу...

Да, я прочитал о Ваших планах закольцевать страну интервью с социологами из Калининграда. Предлагаю личный кейс. У меня был период в жизни, когда жил в Калининграде, в общей сложности я провел в нем несколько месяцев. Вот там социология в полной мере определила судьбу одного из ведущих вузов. Университет имени Канта стал федеральным именно благодаря тому, что в нем проводились социологические исследования. Ректору вуза удалось убедить местного губернатора в том, что университет может быть полезен власти своими трансграничными исследованиями, на основании чего губернатор продавил новый статус вуза.

Нечто подобное возникает сейчас и на Дальнем Востоке, с меньшим резонансом правда, но похоже с большей последовательностью, чем в Калининграде. По моим личным наблюдениям социология Дальнего Востока обладает большей самостоятельностью. Я могу не советоваться с ректором вуза о том, какими исследованиями мне заниматься. Больше того, у меня могут быть и личные политические предпочтения, которые я буду с профессиональной точки зрения поддерживать. Все это в полной мере относится и к моим коллегам из Хабаровска. На другом конце страны, как я успел понять, вся тематика исследований должна была проходить определенную цензуру. Хотя возможно, это особенность только Балтийского Федерального университета.

Григорий, во время перерыва нашего интервью я нашел одного Калининградского социолога-полстера, и мы начали нашу беседу. Так что через пару месяцев я, возможно, как Вы говорите, «закольцую страну».

А теперь, расскажите пожалуйста об исследованиях общественного мнения на Дальнем Востоке: когда Вы начали проводить опросы, тематика, технология сбора данных...

Первые массовые исследования начинались в конце 90-х годов, я тогда еще не принимал в них активного участия, но, так или иначе, знаком с их тематикой. Это были количественные опросы по определению имиджа, сегрегационной стратегии и молодежи (отношения молодежи к власти, выборам и пр.) городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Исследования, из тех, что проводились мной лично, начались в годах 2003-2004. Это были квотированные по полу и возрасту «квартирники». Заказчиками их на протяжении нескольких лет выступала краевая администрация. По существу, они были по своей цели электоральными, но в них, как это традиционно встречается, задавались параметры личного экономического статуса жителей. Вопросы «Как изменилось Ваше благосостояние за последний год» или «Сколько денег у Вас уходит на еду и квартирную плату» впоследствии стали отправными точками для оценки динамики благосостояния городов.

Где-то в это же время запускается серия опросов по оценке трудовых ресурсов Хабаровского края. Заказчиком выступал Центр занятости населения. Целью таких опросов становилось определение количества вынужденных безработных в поселениях края. В ходе таких опросов, для меня лично стала показательной тенденция к вымиранию Дальнего Востока. Из личного моего кейса помню, как в 2006–2007 я повез студентов своего факультета для исследования «уровня безработицы» в Солнечный район – это шахтерский район в 60 км. от Комсомольска. Сам Комсомольск в то время производил впечатление умирающего поселения с локальным благоустройством, но для моих студентов, которые за редким исключением могли тогда попасть, в лучшем случае, в самую дальнюю часть на карте – Владивосток, Комсомольск был крупным населенным пунктом. И вот, приезжаем мы в поселок Солнечный – районный центр, где выбиты стекла в домах на центральной улице, где на 30 тыс. человек населения действовало три-четыре магазина. Мои ребята начинают фыркать что-то вроде: «Вот это дыра». А дальше мы поехали по поселкам. И, вот тут у них всякое фыркание прекратилось, потому что началась тихая депрессия.

Я работал со списочным составом безработных района. Согласно полученным спискам, более 80% населения имели статус безработных. В общем, это было правдой, потому что практически во всех населенных пунктах мы увидели развалившиеся здания ГОКов (горно-обогатительные комбинаты), закрытые магазины, опустевшие пятиэтажки. Особенно, что произвело впечатление на меня – это пустые улицы (было часа три дня) и, натурально, стаи кошек. Все поселения района, кроме самого Солнечного, который уже выглядел в глазах моих студентов подлинным столпом «столичности», напоминали руины после бомбежек.

В 2006 году я начал проводить исследования, которые получили общее название «оценка социального самочувствия населения». Это псевдо-панельные квартирные исследования с гнездовой выборкой (в качестве гнезд выбираются одни и те же улицы, районы), проходящие 2 раза в год. Целью исследований было определение отношения населения к своему уровню жизни и местным органам власти. Сегодня по требованию федералов проводятся схожие по цели исследования: «Уровень удовлетворённости населения качеством предоставляемых муниципальных услуг». Это масштабные исследования с общей тематикой вопросов по всем крупным населенным пунктам страны.

Параллельно при поддержке фонда Форда где-то в том же году я начал проводить большое исследование по символизации социального пространства города Комсомольска-на-Амуре. В основу этого проекта была положена оценка общественного мнения горожан с уличным опросом в местах остановок общественного транспорта. Данные количественного опроса закреплялись глубинными полуформализованными интервью и фокус-группами, собранными с учетом возрастных квот. В ходе этого проекта была сделана попытка выявления прозрачности пространства, исходя из его социально-экономической составляющей. На основе этого исследования и были обозначены выводы о социальных лакунах городского пространства, когда при «снятии фреймов» интервью в сознании жителей практически всех возрастных групп экономически слабо развитые территории отсутствуют.

После 2006 года исследования по оценке общественного мнения стали регулярными, но все они за редким исключением, носили, что называется, рамочный характер.

Последние несколько я провожу исследования по отношению к экологической ситуации в крае. Это преимущественно «уличники» в части количественных исследований и заданные экспертные интервью в части качественных. Квотирование по таким опросам преимущественно строится исходя из территориального расположения экологически неблагополучных предприятий города и края.

По исследованиям общественного мнения, пожалуй, все.

А по-моему, это лишь начало. Григорий, своим ответом на последний вопрос Вы принципиально обновили, обогатили свой образ. Обидно, если бы эта Ваша деятельность не была бы отражена в интервью.

У Вас есть постоянная структура (Группа, Центр) для проведения опросов? Вы контактируете с другими сибирскими и европейскими организациями по изучению общественного мнения? Разрабатывается ли тематика общественного мнения студентами, аспирантами?

Я являюсь руководителем Центра изучения общественного мнения и рынка в аббревиации ОМир. Центр является институализированной структурой для проведения самостоятельных исследований и получения заказов на проведение исследований от коллег. Сегодня Центр проводит порядка 15–20 исследований в год, что конечно немного, но с учетом небольшого штата, вполне хватает для того чтобы закрыть потребность в опросах городов Дальнего Востока. ОМИР — это структура, существующая в большей степени на, так называемых, хоздоговорных темах. Помимо этого есть еще и Дальневосточный институт социально политических исследований (ДВИСПИ) — это более широкая площадка, включающая в себя еще и хабаровских коллег. Я вхожу в институт на правах исследователя, который берет на себя отдельные участки работ связанные, как правило, с чисто научной тематикой, результатами которой становятся диссертации. И, сразу отвечаю на Ваш вопрос о тематике: разрабатывается часть таких тематик, в том числе и по общественному мнению, моими младшими коллегами студентами и аспирантами.

Так вот навскидку наиболее активно рассматриваемыми темами обеих структур (ОМИР и ДВИСПИ) сегодня являются миграция — по профессиональным и возрастным кластерам, — экология, лидерство в общественных и политических движениях. Направление, которое мы сейчас в рамках Центра начинаем поднимать — профессиональные группы дальневосточных бюджетных и коммерческих предприятий. Пока рано говорить о каких-то уникальных вещах в границах этих предприятий в сопоставлении с «западными», но очевидно, что они выявятся.

Что касается контактов с другими организациями, то треть из тех исследований, что мы проводим, делаются по заявке наших коллег из западной части России. Если честно, я сегодня уже затрудняюсь сказать, кто из них сегодня представляет какой регион. Чаще всего, эти исследования идут на основаниях личных контактов с людьми, которые сегодня могут иметь отношение к одной организации, а завтра к другой. Есть правда более или менее стабильные органи-

зации-партнеры ИС РАН, Вышка, в рамках отдельных своих структур, частные заказчики. Недавно был совместный проект с московским Лонг-медиа. В общем, конечно, думаю, можно с уверенностью говорить о том, что я и те группы, к которым я имею отношение, входят в некоторую социологическую сеть страны.

Очевидно так же, что при увеличении работы меня будет ждать управленческий кризис. Возникнет потребность в расширении штата и по оформлению его на иных отношениях, но тут нужен будет еще и постоянный источник финансирования, а с этим пока многое не ясно.

Судя по российским СМИ, Дальний Восток становится важнейшей зоной внимания правительства. Это обусловлено многими обстоятельствами, и одно из них – рост экономической и политической мощи Китая и значительной миграцией китайского бизнеса и населения в районы Камчатки и материковой части Дальнего Востока. Как общественное мнение высказывается по всему этому комплексу вопросов?

Если позволите, я начну отвечать с конца. По поводу Камчатки у меня нет данных о сколько-нибудь серьезных опросах по трансграничной тематике, а вот, как Вы говорите, по материковой части такие исследования проводились и данные были. Такие исследования шли относительно регулярно последние 10–15 лет. Очень часто инициаторами таких исследований становились не исследовательские группы, хотя и такие тоже были, а чиновники, и интересовало это их преимущественно, потому что культивировалась идея некой внешней угрозы на Дальнем Востоке. В рамках той же идеи проводился экологический мониторинг загрязнения Амура, защиты животных, вывоза ценностей и пр. Идея так себе, но в условиях удаленности и заброшенности всего региона в то время такая идея могла стать идеологическим основанием для консолидации россиян на дальних рубежах. В этом контексте, кстати, шло осознание строительства новых маркеров в регионе. И чаще всего классическими маркерами становились и на территории Приморского края, и на территории Хабаровского и, отчасти Амурской области, православные храмы. В 90-е годы власти этих территорий начали вновь столбить и «метить» пространство, прописывая его в привычном культурно-символическом коридоре «а ля-рус». Так вот в русле «идеологичности» мы (это и я в том числе) стали запускать большие опросы общественного мнения, в теле которых были обязательные вопросы об отношении жителей регионов к внешней угрозе. Добавлю, что была череда не только количественных, но и качественных исследований.

На основании подавляющего большинства проводимых исследований становилось понятным, что проблема «захвата территорий Дальнего Востока» у местных жителей стоит на уровне 6–10 строчки. Традиционно после ЖКХ, зарплат, преступности, страха потери работы (кстати, в последнее время такой проблемы уже так же нет) и пр. В этом случае даже 6–8% численности китайской диаспоры от общего населения Владивостока, что отмечалось в нулевых годах нашего века, для населения не было критичным. Исключение составляла, пожалуй, Амурская область и город Благовещенск, где на территории города стали строиться китайские коммерческие центры только для китайцев. Но и даже там коннотации общественного мнения в отношении соседей были в их пользу.

В настоящее время, вот буквально меньше месяца назад, прошел еще один опрос на эту тему. Проводил не я, но с отдельными результатами исследования я знаком. Наибольшую национальную угрозу население Дальнего Востока видит в... цыганах. Образ жителя Китая дрейфует от скорее нейтрального к скорее положительному. В значительной степени население беспокоят украинское переселение, но и то только в той части, что им обещают большие экономические преференции, чем местным жителям.

Вопрос населения на Дальнем Востоке — это вообще большой вопрос. Людей, из тех, кто хотел бы остаться, больше беспокоит факт, что людей мало, а не то, какой они национальности. Хотя, здесь, как чуть выше попытался показать, тоже не все однозначно.

Но это все, так скажем, социальная проблематика вопроса. Экономическая же сторона вопроса рассматривается населением исключительно положительно. Дело в том, что большая часть товаров — это касается и промышленных, и продовольственных, имеют китайское происхождение. И здесь, даже неважно завозится это или нет. Выехать в Китай рядовому дальневосточнику очень просто и по времени, и по деньгам. Поэтому китайских товаров в избытке. При этом, конечно, качество этих товаров очень невысокое. В отдельных регионах ДВ более 70% так называемого средне бюджетного населения традиционно считало, что отечественный производитель или товары из других стран более предпочтительны, чем товары из Китая. Правда, если говорить о промышленных товарах, то на российском ДВ сформировалась когорта и предпринимателей, и потребителей, которые четко обозначают разницу между промышленным производством китайских товаров и кустарным. Очевидно, что промышленный пользуется большим спросом. Тем не менее, китайское в большинстве случаев всегда относилось к категории второго сорта.

Когда я жил в Калининграде, мы с женой зашли в какой-то магазин посмотреть куртки. На мой вопрос это у вас что-то турецкое? (а для ДВ это как бы класс повыше, хотя тоже условно). Продавщица не без гордости нам ответила «Что вы, настоящий Китай». Вот для нас это было основанием ничего не покупать в этом магазине.

Сегодня после введения обоюдных санкций против России, отношение к качеству товаров китайского производства не изменилось, но изменилось отношение к оценке стабильности. И, если раньше на вопрос: «Как Вы оцениваете качество жизни в регионе?» Можно было услышать: «Ужасное, поскольку мы едим нитратные продукты из Китая, и вынуждены мыть руки водой, загаженной там же». Сегодня люди начинают говорить о том, что качество жизни сносное. Потому что в результате санкций китайские товары: а) все равно не исчезнут и б) в цене не подрастут.

Политический вопрос более неоднозначен. Опрошенные в подавляющем большинстве считают, что дружба с Китаем — это факт положительный, но когда вдруг летом этого года стала гулять информационная утка о том, что крупные заводы с ДВ из-за своей убыточности могут быть выведены в Китай, население единодушно отреагировало негативно. То же самое недовольство возникло, когда Китаю была передана часть территории Хабаровского края. В этом смысле риторика такова: мы готовы дружить, но не за наш счет. При этом мои коллеги отмечают, что сам нарратив политических дискуссий людей возрос, что отража-

ется в разговорах людей в магазинах, на улицах в общественных учреждениях. Мы и китайцы братья навек – таков общий слоган сегодняшнего обывателя. Но вот эта тема требует дополнительного исследования.

Что касается общего внимания к Дальнему Востоку со стороны правительства – тут вообще сложно. Во-первых, Дальний Восток большой и территориально очень растянут. В глазах стороннего наблюдателя политические и экономические вложения в территорию ДВ выглядят шагом позитивным, а житель ДВ начинает задавать вопрос, а куда конкретно пойдут деньги. В последнее время большой интерес правительства страны идет к приморскому краю. Туда стягиваются ресурсы, там же формируется властный аппарат ДВ, там же идет строительство ДФУ (Дальневосточного федерального университета), там же идет модернизация городской (Владивостокской) инфраструктуры. С другой стороны, в результате ликвидации последствий потопа, деньги направлялись локально, что, в общем-то, и понятно, только в определенные территории. Отсюда, все это общее материально-политическое благо так размазано по территории трех Франций, семи Бельгий и двух Германий – это собственно то, в чем традиционно меряется территория ДВ, что практически незаметно среднестатистическому дальневосточнику. Во-вторых, новые предложения по общей экономической ситуации, в числе таких предложений – идея с ТОРами (территориями опережающего развития) населением воспринимаются сдержанно: а уж больно не понятно, что это такое. В целом, конечно, такое внимание к себе людьми отмечается как факт положительный, но главное, то, ради чего это все задумывалось (если не брать чисто политический аспект) – сохранение и приумножение численности населения – пока не «стреляет». Миграционный отток не изменился. Кажется, на все ответил.

Надеюсь, что вскоре у меня будет четыре интервью с дальневосточными социологами: уже завершено и опубликовано интервью с Л. Бляхером, идут беседы с Э.Леонтьевой и И. Ярулиным, и вот – наше. Как в целом организована социологическая жизнь в вашем регионе? Есть ли журнал, проводятся ли регулярные встречи, представлен ли «голос социологов» в СМИ и т.д.?

Прежде всего, эта жизнь худо-бедно организована. Существует некий профессиональный клуб, разношерстный в своей тематике, методологии, научных интересах, о чем мы ранее уже говорили, но это уже вполне самостоятельное сообщество людей, говорящих на понятном им языке. Площадкой для того, чтобы поговорить на этом языке становится диссертационный совет. Есть и специализированный журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке» он больше гуманитарный, чем социологический, но достаточно много публикует социологов, есть вестник одного из вузов, который с регулярной периодичностью публикует результаты социологических исследований касающихся региона. Нечасто, но все же запускаются общие проекты, которые задействуют социологические сети региона. С Э. Леонтьевой, например, относительно недавно, приняли участие в оценке миграционных настроений студентов региона... При этом профессиональная жизнь, даже в формате условного единения, локализуется в Хабаровске, отчасти Владивостоке, совсем фрагментарно в Благовещенске и Комсомольске. Понятно, что для меня быть частью социологической сети сопряжено с большими, хотя и не смертельными, сложностями,

связанными с переездами (Комсомольск находится в 400 км от Хабаровска). Дистанционный формат, с моей точки зрения, менее результативен, но он регулярен.

Что касается, СМИ... как-то так получилось, возможно, это связано как раз с тем, что я оказался единственным прикладником в Комсомольске и по комсомольской ветке, последние два года к моим социологическим работам появляется определённый интерес. Понятно, что в СМИ идет научпоп, но, во всяком случае, возникает ощущение востребованности и тебя самого, и исследований, которые проводишь. Периодически читаю не только в журналах, но и в медийных источниках своих коллег. Есть правда, тенденция... читаю только одних и тех же. Видимо у журналистов сложился устойчивый ассоциативный ряд по поводу того, кто может являться экспертом социологом/ политологом. Думаю, несмотря на такую ангажированность отдельных исследователей, все это конечно влияет на популяризацию нашей науки.

Еще один формат социологии становится доступен, организован или близок к организации: Совет при губернаторе. Совет о-о-очень совещательный, в него отказались войти ряд моих коллег, но уже тот факт, что он возникает, становится индикатором интереса власти к социологии. В условиях популяризации социологии сегодня в регионе все больше становятся востребованными именно профессиональные исследования, а не примитивные PR-проекты. Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена.

Григорий, очень оптимистичный вывод... здесь и закончим нашу бесед. Большое спасибо.